

Бородулина Е. В. Денационализация и аренда в мелкой промышленности Сибири при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (1921—1923 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 137—157. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-137-157.

Borodulina, E. V. (2018). Denationalization and Rent in Small Industry of Siberia during Transition from War Communism to New Economic Policy (1921—1923). *Nauchnyy dialog*, 1: 137-157. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-137-157. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47)“1917/1991”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-137-157

Денационализация и аренда в мелкой промышленности Сибири при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (1921—1923 годы)

© Бородулина Елена Викторовна (2018), orcid.org/0000-0002-0324-927X, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия), borodulina.e@list.ru.

Исследование процессов денационализации и аренды в мелкой промышленности Сибири при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике позволяет более полно раскрыть сущность нэпа и цели большевиков по отношению к мелким собственникам, показать реализацию этих нэповских направлений в условиях Сибири, выделить их особенности. Основными источниками работы послужили опубликованные документы региональных советских и партийных учреждений, а также материалы из фондов Российского государственного архива экономики и Государственного архива Новосибирской области, часть которых впервые вводится в научный оборот. В статье дана краткая характеристика состояния кустарно-ремесленного производства региона к 1921 году. Делается вывод о наличии условий для восстановления мелкой промышленности. Анализируются ход денационализации, ее сроки, объекты. Рассматривается вопрос о возвращении кооперативной промышленности. Раскрываются особенности арендной кампании, ее объемы, перспективы и роль в сибирской экономике. Обозначаются приоритетные методы проводимой политики денационализации и аренды. Уделяется внимание региональным подходам в их осуществлении с 1921 по 1923 годы. Автор приходит к выводу, что, несмотря на некоторые положительные моменты в деле реализации данных нэповских направлений, они носили ограниченный характер и в начале новой экономической по-

литики нередко продолжали сосуществовать с военно-коммунистическими методами управления сибирской мелкой промышленностью.

Ключевые слова: Сибирь; мелкая промышленность; кустари и ремесленники; денационализация; аренда; новая экономическая политика.

1. Сибирская экономика к 1921 году

Гражданская война нанесла огромный ущерб экономике Сибири. Масштабные боевые действия регулярных армий, грабежи и реквизиции, проводившиеся обеими воюющими сторонами, массовые крестьянские восстания и мятежи, военно-коммунистические эксперименты советской власти поставили сельское хозяйство и промышленность региона на грань катастрофы. Общие материальные потери сибирского народного хозяйства составили 542 млн руб. золотом, что более чем в 6 раз превышало среднегодовой объем промышленного производства последних предвоенных лет [Московский, 1968, с. 9]. Несмотря на вовлечение в промышленность небывалого числа рабочих (в 1,5 раза больше, чем в 1912 году), выпуск промышленной продукции не достиг и четверти довоенного уровня [Рабочий класс ..., 1982, с. 111, 119]. Из-за недостатка сырья, топлива, продовольствия значительная часть предприятий работала не в полную силу, росло количество бездействующих промышленных заведений. Глубокий кризис переживало сибирское сельское хозяйство. В 1920 году неурожай поразил Алтайскую и Омскую губернии, на которые приходилось около половины посевных площадей региона. Валовое производство сельскохозяйственной продукции сократилось по сравнению с 1913 годом на 50 процентов [Жизнь Сибири, 1923, № 11—12, с. 163].

Хозяйственная разруха и проводившаяся большевиками политика свертывания товарно-денежных отношений вызвали разрыв традиционных экономических связей между городом и деревней, привели к натурализации крестьянского хозяйства и, как следствие, к падению производства в кустарной промышленности, резкому сокращению его товарности. Хотя чрезвычайно тяжелые материальные условия жизни вынуждали многие категории сельских и городских жителей прибегать к различным побочным приработкам, падение уровня промысловости сибирского населения было заметным. Общая численность кустарей и ремесленников в Сибири уменьшилась с 167,2 тыс. чел. в 1913 году до 92,8 тыс. в 1920 году, то есть в 1,7 раза [Коновалов, 1995, с. 75]. Затормозился процесс вытеснения мелкого производства крупным. В 1920 году более 90 % промышленных заведений региона были кустарными и полукустарными [Рабочий класс ..., 1982, с. 110].

Приоритетом большевистской политики в этой сфере экономики стало наступление на мелкую частную собственность, ее последовательная

экспроприация. Если в первые месяцы советской власти национализация охватила главным образом крупные и средние промышленные предприятия, то затем она распространилась и на мелко-промышленные заведения предпринимательского типа [ГАНУ, ф. д-51, оп. 1, д. 618, л. 264]. К осени 1920 года в Сибири было национализировано 62,4 % нецензовых предприятий с 11 030 рабочими. Экспроприация в значительной мере коснулась даже тех мелких промышленников, в заведениях которых преобладал семейный труд, но использовался и наемный. Обобществлению подверглось 17 % кустарных заведений с 1—10 рабочими [Сборник ..., 1924, с. 153, 165], в том числе 76 % мельчайших — с одним наемным рабочим и 13,5 % — с двумя [Николаев, 1988, с. 35].

После опубликования декрета СНК от 7 сентября 1920 года [СУ РСФСР, 1920, № 78, ст. 366] процесс национализации ускорился и шел по нарастающей вплоть до весны 1921 года. Он захватил и промышленные предприятия потребительской кооперации [ГАНУ, ф. д-51, оп. 1, д. 618, л. 7, 67], все более смещаясь в сторону массовой экспроприации мелких промышленников, в какой-либо мере прибегавших к найму рабочей силы.

Большевистская политика национализации промышленности отличалась в Сибири «теми же чертами и пережила ту же эволюцию, что и в Европейской России» [Коновалов, 1997, с. 33]. Мелкую промышленность региона национализация затронула в основном в течение 1920 года, за который было национализировано 3/5 нецензовых предприятий с 11—30 рабочими, что в процентном соотношении в 2,7 раз больше, чем по стране в целом [Коновалов, 1995, с. 117]. При этом к осени 1920 года все кустарные заведения, работавшие только на основе личного или семейного труда, оставались в частном владении [Труды Центрального ..., 1924, с. 165]. Однако отметим, что в Сибири широкую практику получили скрытые формы национализации. Так, ревкомы и совнархозы, во-первых, нередко объединяли мелкие кустарные заведения в более крупные, давали им заказы и полностью контролировали их производственную деятельность, хотя те и продолжали формально функционировать под своими «вывесками»; во-вторых, практиковали раздачу заказов мелким товаропроизводителям, снабжали их материалами, обеспечивали сбыт готовых изделий, превращая кустарей и ремесленников в своеобразных наемных работников, экономическая самостоятельность которых фактически исключалась.

Процесс национализации в мелкой промышленности Сибири, как уже отмечалось выше, ускорился после опубликования декрета СНК от 7 сентября 1920 года. Однако часть попадавших под действие декрета мелко-промышленных заведений так и не была национализирована в силу их малой

эффективности и необходимости больших затрат на восстановление и налаживание процесса производства [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 21, л. 233, 284; оп. 2, д. 186, л. 15]. С другой стороны, местные совнархозы продолжали практику по национализации нецензовых предприятий, не подлежащих экспроприации по данному правительственному акту, если те были достаточно успешны. Позднее Сибпромбюро ВСНХ констатировало в своем отчете, что в период военного коммунизма «национализация передала в руки государства, кроме немногих механизированных предприятий, огромное число мелких полукустарных заведений» [Сибпромбюро ВСНХ ..., с. 10].

В управлении мелко-промышленным производством в 1920 году абсолютно возобладали тенденции к бюрократической централизации. И хотя в Сибири концентрация управления кустарной промышленностью и промысловой кооперацией в руках Сибирского комитета по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Сибкустпрома) и губернских кустарно-промышленных комитетов (губкустпромов) к началу 1921 года не была еще завершена, это не меняло существа самого управления: вся работа государственных органов в данной области строилась на методах, типичных для военного коммунизма, основанных на внеэкономическом принуждении и тотальной регламентации хозяйственной деятельности мелких промышленных производителей [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 72; ГАНО, ф. р-32, оп. 1, д. 465, л. 53; д. 891, л. 10].

Последовательно ограничивалась, как и в целом по стране, связь промысловиков с рынком, выход на который с сентября 1920 года был разрешен только кустарям-одиночкам, владельцам мельчайших кустарных заведений, использующим исключительно семейный труд, и кооперативным объединениям. Все более сужался в течение 1919—1920 годов круг тех кустарных изделий, свободная продажа которых на местных рынках допускалась властями. Результатом свертывания кустарного рынка стало включение большей части кустарных заведений и всей промысловой кооперации в централизованную распределительную систему, осуществляющую нормированное распределение продуктов. Кроме того, наблюдались рост нелегальных торговых операций и расширение «черного» рынка, массовыми поставщиками которого становились кустики, уклоняющиеся от государственного контроля [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 875, л. 114; ф. р-918, оп. 1, д. 127, л. 9 об.].

Рынок рабочей силы и ее свободный найм были заменены методом «принудительной самоорганизации трудящихся». На практике это проявилось в массовых трудовых мобилизациях и милитаризации труда кустарей. Промысловики направлялись на государственные предприятия; сгонялись

на артели, работавшие по обязательным нарядам госорганов; переводились на казарменное положение и прикреплялись к совнархозовским мастерским, которые в Сибири стали главной формой объединения призванных на «трудовой фронт» кустарей. Мобилизационная политика, охватившая десятки тысяч сибирских промысловиков, оставалась важнейшим инструментом организации кустарного производства до лета 1921 года, когда милитаристские подходы полностью исчерпали себя и уже не могли, как это было ранее, оправдываться военной необходимостью [РГАЭ, ф. 1691, оп. 2, д. 1231, л. 81; оп. 6, д. 215, л. 328; ГАНО, ф. р-32, оп. 1, д. 365, л. 13; Коновалов, 1995, с. 189].

Разрушительные последствия гражданской войны и утопического экономического курса большевиков для кустарной промышленности были очевидны. Резко снизилась производительность труда промысловиков, произошло падение производства. Военный коммунизм многократно сузил поле деятельности мелкого частного капитала, задержал и деформировал естественную эволюцию кустарных промыслов, способствовал процессу их натурализации и возвращения к ремеслу. «Кризис в кустарной промышленности стал составной частью общего социально-экономического и политического кризиса, переживаемого страной, и свидетельствовал о провале военно-коммунистической политики в этой сфере экономики» [Коновалов, 1995, с. 192].

В первые месяцы после провозглашения нэпа многие кризисные явления в сибирской экономике продолжали развиваться. В тяжелом положении находилось сельское хозяйство. Посевные площади в 1921 году составляли 4/5 от уровня 1913 года, а в 1922 году — около половины. Поголовье скота сократилось по сравнению с последним предреволюционным годом примерно на одну четверть [История Сибири, 1968, с. 177]. В связи с массовым голодом в Поволжье и других районах страны в 1921 году в Сибири проводились повышенные продовольственные заготовки. Если по РСФСР в целом продовольственный налог составил 12—15 % валового сбора, то в Сибири — 20 %, а в Алтайской губернии — более 30 % валового сбора [Труды Центрального ..., 1924, с. 131—132]. «Продовольственный фронт» нередко превращался в настоящий фронт борьбы с сибирским крестьянством. Власти продолжали прибегать к привычным мерам военно-коммунистического характера: насильственному изъятию хлеба, закрытию крестьянских рынков, ограничению базарной торговли отдельными продуктами сельского хозяйства и кустарных промыслов, дальнейшей национализации предприятий мелкой промышленности сельских кустарей и т. п. Разного рода административным репрессиям было подвергнуто

то не менее 50,5 тыс. «злостных неплательщиков налога» [Кучемко, 1981, с. 167]. Многие крестьяне были привлечены к суду и приговорены к различным срокам лишения свободы. Имущество некоторых из них конфисковывалось [ГАНУ, ф. п-1, оп. 1, д. 465, л. 32—33].

Драматические события в сибирской деревне имели тяжелые последствия не только для сельского хозяйства, но и для тесно связанной с ним промышленности. В 1921/22 хозяйственном году промышленное производство в Сибири продолжало падать. Уровень жизни промышленных рабочих, кустарей и ремесленников достиг в 1921 году критической точки. Перестройка хозяйственных отношений и управления в промышленном секторе экономики затянулась по сравнению с европейской частью страны. До конца 1921 года сохранялась практика централизованного снабжения на уравнильных началах рабочих и выполняющих государственные заказы кустарей. Зарплата выдавалась крайне нерегулярно и в значительной части в натуральной форме. Переход от трудовой повинности к системе добровольного найма через биржи труда стал осуществляться только с начала 1922 года [РГАЭ, ф. 1691, оп. 2, д. 1231, л. 37; Рабочий класс ..., 1982, с. 124].

В этой сложной обстановке и проходили обусловленные переходом к новой экономической политике изменения в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности Сибири, в том числе ее денационализация и арендная кампания.

2. Денационализация мелкой промышленности Сибири

В Сибири до перехода к нэпу национализировали 1640 промышленных предприятий, на которых было занято 87 460 рабочих [Жизнь Сибири, 1924, № 2, с. 6]. По другим данным, Советское правительство располагало в Сибири 1576 предприятиями добывающей и обрабатывающей промышленности с 82 919 рабочими. Почти все эти предприятия были приспособлены к производству предметов снабжения Красной Армии. К концу 1921 года в руках государства осталось 695 предприятий с 44 236 рабочими, причем только 299 из них с 41 140 рабочими (соответственно 43,4 % и 93,2 %) эксплуатировалось непосредственно государством, а остальные были закрыты, сданы в аренду или предназначены к сдаче [ГАНУ, ф. р-918, оп. 1, д. 35, л. 14]. В отчете Сибирского промышленного бюро (Сибпромбюро) ВСНХ подчеркивалось, что в октябре 1922 — апреле 1923 года «проводилась политика освобождения от мелких, полукустарного типа предприятий путем ликвидации, передачи другим государственным органам и денационализации». К 1 апреля 1923 года у государственных органов осталось уже только

530 предприятий и 38 171 рабочих, из которых эксплуатировалось государством 190 предприятий, было законсервировано 93 и подлежало ликвидации 8; еще 111 предприятий были сданы в аренду, а 128 — представляли собой арендный фонд из бездействующих заведений [Отчет Сибпромбюро ..., с. 20]. Необходимо отметить, что данные Сибревкома, Сибпромбюро и патентной статистики существенно различаются. Причина расхождения в разных подходах к сбору информации: в одном случае учитывалась вся государственная промышленность, в другом — только подчиненная Сибпромбюро ВСНХ, в третьем — лишь действующие предприятия. По сведениям патентной статистики, на 10 октября 1922 года было зарегистрировано 229 государственных предприятий, на 1 апреля 1923 года — 292, а на 1 октября 1923 года — 347 [Жизнь Сибири, 1924, № 3—4, с. 47], то есть в течение 1922—1923 годов число государственных предприятий, по этим данным, увеличивалось и они работали, поскольку платили налог. Концентрация была более чем относительна, так как нецензовые предприятия составляли от 35 до 50 % государственных предприятий (соответственно октябрь 1922 и октябрь 1923 года).

При решении вопросов о денационализации сибирские власти твердо стояли на страже своих интересов, ни в коей мере не допуская покушения на свои «командные высоты». По А. А. Николаеву, процесс денационализации в Сибири начался после постановления Сибревкома от 21 июля 1921 года «О возможности передачи промышленных предприятий кооперативным организациям, частным лицам и иностранным концессиям» [Николаев, 2000, с. 59]. Но еще на заседании 4 июля 1921 года Сиббюро ЦК РКП(б) постановило созвать 20 июля совещание по экономическим вопросам председателей экономических совещаний (эконо) и совнархозов, а также представителей Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), на котором «должен быть рассмотрен вопрос об экономической политике в области производства в Сибири» и «обращено внимание на мелкую промышленность» [ГАНУ, ф. п-1, оп. 1, д. 21, л. 17].

Интересно, что и Сибкустпром до лета 1921 года не предпринимал каких-либо мер по перестройке своей работы в соответствии с новой экономической политикой, наоборот, упорно продолжал реализовывать военно-коммунистическую практику [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 72; ГАНУ, ф. р-32, оп. 1, д. 465, л. 53; д. 891, л. 10]. В связи с этим Организационно-кооперативное управление Главкустпрома 6 июня 1921 года направило ему циркулярное письмо, потребовав «организовать свою работу в соответствии с последними декретами и постановлениями центральных органов Советской власти» [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 72, 335—335 об.].

20—23 июля 1921 года состоялся съезд сибирских кустарно-промышленных комитетов (в источниках данный съезд называют Первым Сибирским совещанием по кустарной промышленности). На съезде была принята резолюция уже в духе новой экономической политики: 1) установили взаимосвязь кустарно-промышленных комитетов с областным центром; 2) договорились об обязательной отчетности; 3) наметили структуру органов кустарной промышленности в Сибири; 4) уточнили организационные мероприятия и конкретные шаги в соответствии с требованиями нэпа [Журнал ..., с. 14]. В резолюциях, принятых съездом, на котором присутствовали представители всех губернских куспромов, кроме Якутской области, подчеркивалось, что необходимо оградить кустарей и ремесленников от всякого рода конфискаций; вернуть им национализированные мелко-промышленные заведения; признать явочный порядок возникновения кустарных предприятий, артелей и других объединений; предоставить кустарям и ремесленникам право свободной заготовки сырья и приобретения необходимых для производства изделий материалов [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 875, л. 104—106]. В основу взаимоотношений кустарей с государственными органами легли договорные начала даже в тех случаях, когда кустари выполняли государственные задания. Совещание ориентировало все губернские куспромы на развитие и кооперирование кустарных промыслов как единственно целесообразный способ их организации, повышения технического уровня производства, улучшения материального положения.

При денационализации в первую очередь региональные власти освобождались от предприятий кустарей и ремесленников, имевших при национализации не более двух наемных рабочих и механических двигателей, не превышающих пять лошадиных сил [Харчевникова, 1980, с. 62]. Более крупные мелко-промышленные заведения продолжали удерживаться в государственной собственности. Только за август-сентябрь 1921 года Сибпромбюро отклонило целый ряд ходатайств частных о возвращении прежде принадлежавших им предприятий [ГАНУ, ф. р-918, оп. 1, д. 206, л. 146, 157]. Материалы статистики позволяют утверждать, что в первую очередь возвращались в основном не просто мелкие промышленные предприятия, а предприятия, требующие дооборудования. Продолжала использоваться и практика принудительных заданий мелким товаропроизводителям. Интересно, что нередко «заказами» обеспечивались те владельцы, которым только вернули их заведения [Краткий отчет ..., с. 46—47]. Пытались удержать частных под контролем и при помощи внедрения системы материального стимулирования, разработанной в июле 1921 года [РГАЭ, ф. 1691, оп. 2, д. 1231, л. 146, 37].

Процесс денационализации в Сибири был в основном завершен, вернее, завершена соответствующая кампания, к 1 октября 1922 года. Денационализировано было 739 промышленных заведений, то есть 45 % из 1640 национализированных к июлю 1921 года предприятий [ГАНО, ф. р-32, оп. 1, д. 457, л. 18; д. 879, л. 48]. Важно, что 689 предприятий было возвращено прежним владельцам — кустарям и ремесленникам [ГАНО, ф. р-1180, оп. 1, д. 104, л. 1]. После этого кампания утихла: с 1 октября 1922 по 1 июня 1923 года прежним владельцам было возвращено 17 промышленных заведений [Отчет Сибпромбюро ..., с. 23, 24]. Практически все — бездействующие. С июня 1923 и до конца года прежним владельцам возвратили еще 20 предприятий [Отчет Пятого ..., с. 30].

Даже кооперация не сумела вернуть себе все собственные предприятия. Например, в марте 1922 года Новониколаевскому, Алтайскому, Томскому губернским союзам и Сибирскому Центросоюзу вернули только 7 предприятий, а не возвратили 57 [ГАНО, ф. д-51, оп. 1, д. 618, л. 67]. 17 февраля 1922 года Новониколаевское Губэкосо постановило оставить в распоряжении губернского совнархоза ранее национализированные предприятия кооперации: меховой завод «Труд», типографию, химическую фабрику, лесопильный завод [ГАНО, ф. д-51, оп. 1, д. 618, л. 28]. Выписка из протокола заседания Сиббюро ВСНХ от 17 февраля 1922 года достаточно стандартна в тех условиях: решили оставить Иркутский бондарный завод в государственной собственности и считать его «не подлежащим возвращению» кооперации «по определению» [ГАНО, ф. д-51, оп. 1, д. 618, л. 29].

К национализации промышленных предприятий, которые принадлежали кооперативным союзам, местные власти прибегали чаще всего из-за значительной роли кооперативного промышленного производства в сибирской экономике. Расставаться с подобными «приобретениями» не хотелось. Только предприятия, принадлежавшие ранее потребительской кооперации, давали около третьей части промышленности Сибири, и поэтому их возвращению, по декрету СНК от 26 октября 1921 года о денационализации кооперативной собственности, местные органы власти препятствовали всеми силами. Иногда предприятия возвращались, но без оборудования. Так, союз «Игла» вынужден был закрыться из-за изъятия губернским совнархозом у него восьми швейных машин [ГАНО, ф. р-1052, оп. 1, д. 210, л. 126].

На местах и в 1922 году отделения Сибкустпрома воспринимались губернскими совнархозами как их производственные отделы. Им навязывалось дорогостоящее шефство, содержание детских домов и больниц

[ГАНО, ф. р-1052, оп. 1, д. 210, л. 127]. Продолжала использоваться военно-коммунистическая практика «раздачи» обязательных заказов. На Сибирском Совещании работников Сибкустпрома (12—14 февраля 1922 года) докладчики поднимали ключевые вопросы мелкой промышленности в условиях перехода к нэпу; обращали внимание на негативную практику деления кустарей губернскими властями «на овец, которых можно выгодно стричь, и на козлищ, не заслуживающих серьезного внимания» [ГАНО, ф. р-1052, оп. 1, д. 210, л. 125]; выражали сожаление по поводу медленных темпов денационализации. Все докладчики приводили примеры упадка мелко-промышленной деятельности на местах, констатируя, что угасают даже известные промыслы. Печальным примером в этой связи стало Барнаульское шубное производство, обеспечивавшее в предшествующие годы своей продукцией «добрую половину Сибири», создавшее в крае славу «барнаульской шубы и полушубка», а «в настоящее время <...> это производство <...> влечит самое жалкое существование и не играет на рынке сколько-либо заметной роли» [ГАНО, ф. р-1052, оп. 1, д. 210, л. 125]. Аналогичные явления отмечали представители всех сибирских губерний в отношении своих районов. Везде производство кустарей сократилось. Многие первоочередной панацеей считали скорейшее возвращение мелким производителям национализированных предприятий и развитие арендных отношений.

3. Арендная политика

В соответствии с декретом от 5 июля 1921 года предприятия местного значения могли сдаваться в аренду постановлениями губернских совнархозов и с ведома ВСНХ, а более крупные — постановлениями ВСНХ. В связи с этим Сибревком в постановлении от 21 июля 1921 года «О порядке передачи промышленных предприятий кооперативным организациям и частным лицам» закрепил порядок, согласно которому сибирским губсовнархозам было предоставлено право принимать соответствующие постановления с последующим их утверждением в Сибпромбюро ВСНХ. Сибревком предложил «вменить в обязанность всем областным хозяйственным органам в трехдневный срок выработать нормальные договоры аренды» и «сдать их на заключение Сибюста, Экономотдела и Сибрабкрина» [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 433, л. 21].

Арендная кампания в Сибири началась в различных губерниях в августе-сентябре 1921 года и проходила первоначально довольно активно, поскольку губернские совнархозы спешили освободиться от мелких бездействующих предприятий. С августа по декабрь 1921 года в Сибпром-

бюро поступило на утверждение 132 арендных договора, еще до 50 договоров находилось на стадии рассмотрения на местах. По неполным сведениям, вошедшим в сводку Сибпромбюро ВСНХ, к 1 декабря было сдано в аренду 109 промышленных заведений. Из них 29 уже работали, 14 были подготовлены к пуску, остальные продолжали бездействовать [Краткий отчет ..., с. 6]. Сдача предприятий по сведениям губсовнархозов вызвала значительный интерес и многочисленные предложения. Частники стремились получить в аренду предприятия отраслей, производящих предметы широкого потребления, не требующие значительных вложений капитала, но обещавшие в условиях товарного голода дать существенную прибыль. На I Сибирском съезде профсоюзов отмечалось, что «в аренду берут те предприятия, которые могут обслужить непосредственно вольный рынок и которые могут непосредственно набивать арендатору карман» [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 496, л. 43 об.]. Среди первых 109 арендованных промышленных заведений, например, было 31 кожевенное (28,4 %), 9 мыловаренных (8,3 %), 6 меховых (5,5 %) [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 496, л. 44]. Наибольшую активность в начале арендной кампании проявили мелкие дельцы, зачастую не располагавшие капиталами, а более крупные предприниматели в основном заняли выжидательную позицию. Они, как и в целом по стране, избегали вкладывать свои капиталы в промышленную аренду. Губернские экономические совещания отмечали, что солидные коммерсанты относятся к новым начинаниям власти с явным недоверием и опаской, но в то же время среди первых арендаторов большое число бывших владельцев, которые стремятся закрепить за собой свое бывшее владение в надежде, что в будущем оно обратно перейдет в их собственность. Серьезного намерения работать на арендных началах у этой категории арендаторов не наблюдалось. Такие настроения в среде бывших владельцев были явлением распространенным не только в Сибири. В декабре 1921 года «Торгово-промышленная газета» писала: «Бывшие владельцы заведений охотно стремились к аренде в самом начале арендной кампании, рассчитывая на крушение национализации» [Торгово-промышленная ..., 1921]. В Сибири 48 % первых арендаторов являлись бывшими владельцами [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 496, л. 44]. 26 арендных договоров, то есть 28 % их общего числа, были заключены с вновь возникшими на первой волне нэпа производственными артелями и коллективами, не входившими в кооперативную систему. По данным Сибпромбюро, «в большинстве случаев производственные артели представляют собою тех же частных предпринимателей и бывших владельцев арендуемых предприятий, и фирма “артель” в данном случае представляется своего рода защитной окраской:

во-первых, артелям декретировано преимущество против других соискателей аренды; во-вторых, <...> скрыть свое подлинное лицо из осторожности и неуверенности в новых веяниях в первое время представлялось вообще предпринимателям не вредным». По мнению Сибпромбюро, на долю «подлинной кооперации» приходилось только 12 сделок из 28 [Краткий отчет ..., с. 7].

Со своей стороны, многие сибирские хозяйственные органы более чем сдержанно относились к сдаче предприятий в арендное пользование. В первых договорах, как правило, устанавливались краткие сроки эксплуатации — не свыше одного-двух лет, а долевое отчисление достигало 60 % производственной программы арендованных заведений [ГАНУ, ф. р-1180, оп. 1, д. 104, л. 1]. Такие условия аренды отпугивали солидных владельцев капиталов. На II съезде Сибирского экономического совещания отмечалось, что «арендаторы закрывают предприятия, так как не могут выдержать обложения» [Отчет II съезда ..., с. 6]. Например, пимокатной артели «Победа» был отдан пимокатный завод в Барнауле на невыгодных для нее арендных условиях. Артель закрылась под давлением непосильной арендной платы, хотя до этого действовала успешно, объединяя до 40 городских кустарей. Под влиянием тяжести арендных обложений ликвидировалась трудовая артель Усть-Чарышской пристани, арендовавшая чугунно-литейный завод [ГАНУ, ф. р-1052, оп. 1, д. 210, л. 126].

В других случаях местные совнархозы иногда допускали бесхозяйственность при сдаче предприятий в аренду: не имели описей оборудования арендных предприятий; сдавали предприятия в аренду без торгов первому попавшемуся претенденту; тексты договоров составлялись неграмотно, с расплывчатыми, допускающими различное толкование формулировками; слабо был отлажен контроль за выполнением условий договоров. Это подталкивало арендаторов к хищнической эксплуатации арендованных заведений, растаскиванию неучтенных государством материальных ценностей [Демчик, 1998, с. 65]. Нередко хозяйственные организации самовольно, в административном порядке расторгли арендные договоры, без рассмотрения дела в суде, как это требовалось законом.

Арендная политика советских органов власти в Сибири несколько упорядочилась зимой 1921—1922 года. Почти четверть заключенных ранее арендных договоров была аннулирована. Сибпромбюро ВСНХ не утвердило десятки арендных сделок, заключенных на местах. В отчете Сибпромбюро ВСНХ за первую половину 1921/1922 хозяйственного года подчеркивалось, что Сибпромбюро и губернские совнархозы «неуклонно проводили в жизнь следующие основные положения арендной

политики: 1) арендная плата взимается только продуктами производства от минимальной производительности предприятий (только Енисейский губсовнархоз берет арендную плату в советских рублях); 2) стремление к наибольшему проценту отчисления, подчас не оправдываемого условиями производства, так, например, некоторые кожевенные заводы сдавали на условиях оплаты за аренду 25—30 % с производительности, затем отчисление было уменьшено до 15—20 %; 3) ограничение выдачи ссуд до крайних пределов, как в отношении сырьевых ресурсов, так и денежных» [ГАНУ, ф. р-918, оп. 1, д. 127, л. 64 об.]. Таким образом, условия аренды, хотя и были несколько смягчены, оставались чрезвычайно тяжелыми и провоцировали арендаторов на обман государства. Одновременно был ужесточен контроль над деятельностью арендаторов: «...везде они обязываются строгой отчетностью по предприятию». Были приняты меры к упорядочению системы этого контроля, который «в одних местах ведет производственный отдел губернского совнархоза, в других — отдел учета производства, в третьих — арендные комиссии, либо специальные арендные инспектора». Этот последний метод и был направлен на упорядочение контроля и становится главным к концу 1921 года. Он был рекомендован Вторым Сибирским экономическим совещанием губернских совнархозов 10—12 января 1922 года [ГАНУ, ф. р-918, оп. 1, д. 127, л. 64 об.].

Зимой 1921—1922 года была завершена работа по определению из числа бездействующих государственных предприятий арендного фонда, в который вошло 396 промышленных заведений, частично уже сданных в аренду [Сибирская промышленность ..., с. 13]. К 1 февраля 1922 года в аренду было сдано 163 промышленных заведения, предназначено к сдаче 233 предприятия. В составе арендаторов бывшие владельцы по-прежнему составляли, хотя и меньшую, чем в начале кампании, но значительную часть — 37 %, другие частные предприниматели — 18 %, артели — 28 %, кооперативы, состоявшие в системе кооперации — 11 %, профсоюзы — 1 % и прочие арендаторы — 5 процентов [ГАНУ, ф. п-1, оп. 3, д. 27, л. 32 об.]. Несколько увеличились и сроки арендных договоров, хотя преобладали по-прежнему краткосрочные: на срок менее 1 года — 7,7 %, от года до двух лет — 22,7 %, на 2 года — 11,8 %; на 3 — 46,1 %; на 4 — 1,3 %, на 5 — 5,9 %, на 6 лет — 4,5 процентов [Бюллетень ..., с. 4]. Таким образом, арендный договор сроком, не превышающим трех лет, в общей сложности заключали 88,3 % мелких товаропроизводителей. Остались прежними и отраслевые приоритеты арендаторов: их деятельность развивалась преимущественно в отраслях, не требующих значительных оборотных средств, больших первоначальных затрат и в то же время дающих

фабрикат, пользующийся наибольшим спросом на рынке [ГАНО, ф. р-918, оп. 1, д. 127, л. 64 об.]. Среди арендных предприятий было 23,3 % кожевенных, 20,2 % — мукомольных, 16,6 % — пищевых, 14,1 % — химических, 9,2 % — текстильных. Заведения других отраслей были представлены 1—2 предприятиями [ГАНО, ф. п-1, оп. 3, д. 27, л. 32 об.].

В свое распоряжение частники получали в основном мелкие и мельчайшие предприятия. Так, в Енисейской губернии на одно арендованное предприятие приходилось в среднем 7 рабочих, в Иркутской — 11, Томской — 18, Омской — 19, и только в Алтайской губернии, где в арендный фонд были включены некоторые добывающие предприятия Томско-Алтайского горного округа, среднее количество рабочих в арендных предприятиях доходило до 26 человек. По количеству занятых рабочих сибирская государственная промышленность намного превосходила арендованную, где на одно предприятие приходилось в среднем 12 рабочих, а в государственной промышленности — 138 человек [ГАНО, ф. р-918, оп. 1, д. 35, л. 14]. Арендованная промышленность играла вспомогательную роль в народном хозяйстве Сибири. Ее валовое производство составляло в 1921/1922 хозяйственном году не более 5 % от общего валового промышленного производства края [Бюллетень ..., с. 4].

Арендная политика в Сибири фактически завершилась зимой 1922 года, то есть несколько раньше, чем в целом по стране [Бородулина, 2014, с. 46—47]. В сводках Сибпромбюро в течение всего 1922 года фигурировали все те же 163 предприятия, арендованные у государства. Ограничительная политика хозяйственных органов и жесткие условия аренды, неспособность мелких дельцов в этих условиях наладить производство на арендованных предприятиях привели к тому, что около трети арендных договоров были либо аннулированы, либо не возобновлены (речь идет о краткосрочных договорах, до года). Новые арендные договоры практически не заключались. Значительная часть предприятий арендного фонда (39,6 %) была ликвидирована, так и не дождавшись претендента на аренду. К 1 апреля 1923 года в Сибири в арендном фонде осталось лишь 128 действующих государственных предприятий. Число арендованных промышленных заведений сократилось до 111, а численность занятых на них рабочих составляла 1159 человек [Отчет Сибпромбюро ..., с. 20]. Иными словами, число арендованных заведений сократилось по сравнению с октябрём 1922 года на 31,9 %, а занятых на них рабочих — на 39,6 %. На одно арендованное сибирское предприятие в апреле 1923 года приходилось в среднем чуть более 10 рабочих, по стране данный показатель — 17 рабочих [Русская промышленность ..., с. 43, 48]. Таким образом, в регионе

арендными предприятиями были исключительно нецензовые предприятия кустарного и полукустарного типа.

4. Выводы

Мелкая промышленность Сибири переживала в 1920 году серьезный кризис, что проявлялось в падении производства, в его социально-экономической деформации и резком сокращении товарности. Однако радикальная перестройка на военно-коммунистических принципах продолжалась в регионе и в 1921 году. Именно в это время на мелко-промышленные заведения предпринимательского типа распространилась политика национализации, активизировалось наступление на мелкую частную собственность, началась ее последовательная экспроприация. Процесс национализации шел в регионе вплоть до весны 1921 года. Он захватил даже промышленные предприятия кооперации. Можно говорить о массовой экспроприации мелких промышленников, прибегавших к найму рабочей силы. Имели место в крае и скрытые формы национализации.

После провозглашения новой экономической политики многие кризисные явления продолжали развиваться, а местные органы власти активно использовали военно-коммунистические методы. Однако и денационализация, и аренда в Сибири имели место раньше публикации соответствующих декретов. Кампания по денационализации нецензовых предприятий была в основном завершена в регионе к осени 1922 года. Денационализировали примерно 45 % заведений мелкой и кустарно-ремесленной промышленности. Большинство из них (практически все — бездействующие!) возвратили прежним владельцам. Сибирская денационализация в процентном соотношении выглядит более масштабной, чем в целом по стране, из-за малочисленности цензовых предприятий и исключительно важной роли мелкой промышленности в экономической жизни региона. Стоит отметить, что многие мелко-промышленные предприятия так и не вернули: либо они уже исчезли, либо успешно функционировали. В последнем случае удерживались в государственной собственности порой даже предприятия, принадлежавшие ранее кооперации, так как при решении вопросов о денационализации сибирские советские, партийные и хозяйственные учреждения продолжали отстаивать свои интересы.

Арендная кампания в регионе началась в августе-сентябре 1921 года. Частники стремились получить в аренду предприятия, производящие предметы широкого потребления и не требующие значительных вложений капитала. С другой стороны, многие сибирские хозяйственные органы очень осторожно относились к сдаче предприятий в арендное пользование.

Арендная политика советских органов власти в Сибири упорядочилась лишь зимой 1921—1922 года и фактически зимой же 1922 года, раньше, чем в целом по стране, завершилась. В составе арендаторов значительную часть составляли бывшие владельцы на протяжении всего рассматриваемого периода. Преобладали краткосрочные арендные договоры, в аренду отдавались исключительно кустарно-ремесленные заведения.

В целом, несмотря на некоторые положительные результаты в деле реализации политики денационализации и аренды в сибирской мелкой промышленности при переходе к нэпу, данные направления имели половинчатый характер и в 1921—1923 годах нередко продолжали сосуществовать с военно-коммунистическими методами, а потому не смогли вывести мелкое и кустарно-ремесленное производство из социально-экономического кризиса.

Источники и принятые сокращения

1. *Бюллетень V* Сибирской конференции РКП(б). — Новониколаевск, 1922. — № 5. — С. 1—4.

2. ГАНО — *Государственный архив Новосибирской области*. Ф. Р-1 (Сибирский революционный комитет (Сибревком), 1919—1925). Оп. 1. Д. 21. Лл. 233, 284. Д. 433. Л. 21. Д. 496. Л. 43 об. Д. 875. Лл. 104—108. Оп. 2. Д. 186. Л. 15. Ф. П-1 (Сибирское бюро ЦК РКП(б), 1919—1924). Оп. 1. Д. 21. Лл. 12, 17. Д. 465. Лл. 32—33. Ф. Р-32 (Сибирское отделение Центросоюза (Сибцентросоюз), 1918—1924). Оп. 1. Д. 457, Л. 18. Д. 465. Л. 53. Д. 879. Л. 48. Д. 891. Л. 10. Ф. Д-51 (Союз Сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт), 1912—1924). Оп. 1. Д. 618. Лл. 7, 28, 29, 67, 264. Ф. Р-918 (Сибирское областное промышленное бюро Высшего Совета народного хозяйства (Сибпромбюро ВСНХ) 1920—1926). Оп. 1. Д. 35. Л. 14. Д. 127. Л. 64 об. Д. 206. Лл. 146, 157. Ф. Р-1052 (Областное управление уполномоченного Наркомата финансов РСФСР по Сибири (Облфинуправление), 1919—1925). Оп. 1. Д. 210. Лл. 125—127. Ф. Р-1180 (Плановая комиссия Сибкрайсполкома (Сибкрайплан), 1920—1925). Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

3. *Жизнь Сибири* (Новосибирск). — 1923. — № 11—12. — С. 163; 1924. — № 2. — С. 4, 6—7; № 3—4. — С. 47.

4. *Журнал I* Сибирского совещания по кустарной промышленности 20—23 июля 1921 года и декреты, постановления советской власти по кустпромышленности — Новониколаевск : Типография губсовнархоза, 1921. — С. 4—18.

5. *Краткий отчет* о деятельности Сибпромбюро ВСНХ с 1 января по 1 декабря 1921 года. — Новониколаевск, 1921. — С. 6—47.

6. *Отчет II съезда* Сибирского экономического совещания. — Новониколаевск, 1922. — С. 4—6.

7. *Отчет* о деятельности Сибирского революционного комитета (Сибирского областного экономического Совета) Совету Труда и Оборона с 1 июля по 1 октября 1921 года. — Новониколаевск, 1921. — 195 с.

8. *Отчет* Пятого Сибирского экономического совещания с представителями губерний и уездов. 4—7 января 1924 года. — Новониколаевск : Сибревком, 1924. — С. 21—30.

9. *Отчет* Сибпромбюро ВСНХ за первую половину 1922—1923 (октябрь—апрель) производственного года. — Новониколаевск, 1923. — С. 20—24.

10. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1691 (Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации ВСНХ — Наркомзема (Главкустпром)). Оп. 2. Д. 1231. Л. 37; Оп. 6. Д. 215. Лл. 50 об., 72, 335—335 об.

11. *Русская* промышленность в 1923 г. — Москва, 1924. — Ч. 2. — С. 42—48.

12. *Сибирская* промышленность в 1921—22 производственном году (Материалы годового отчета Сибпромбюро ВСНХ). — Новониколаевск, 1923. — С. 13—18, 88, 90—92.

13. *Сибирский* революционный комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925 : сб. документов и материалов. — Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1959. — С. 266—274.

14. *Сибпромбюро* ВСНХ. Сибторг. Промбанк. Итоги и перспективы. — Новониколаевск, 1925. — С. 10—18.

15. СУ РСФСР — *Собрание* узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. Систематический сборник важнейших декретов 1917—1920 годов. — Москва, 1920. — № 78. — Ст. 366.

16. *Торгово-промышленная* газета. — 1921. — 3 декабря.

17. *Труды* Центрального статистического управления. Т. 18 : Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923. — Москва, 1924. — С. 131—132, 153—165.

Литература

1. *Бехтерева Л. Н.* Удмуртия в годы новой экономической политики : торгово-промышленное развитие и социокультурный облик рабочих : диссертация ... доктора исторических наук / Л. Н. Бехтерева. — Ижевск, 2009. — 478 с.

2. *Бородулина Е. В.* Политическая линия большевиков в мелкой промышленности в условиях перехода от военного коммунизма к нэпу / Е. В. Бородулина // Вестник Ишимского педагогического института им. П. П. Ершова. — 2014. — № 2 (14). — С. 41—51.

3. *Глуценко Т. А.* Государственная политика в области малого предпринимательства в 1861—1920 гг. : на материалах Восточной Сибири : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Т. А. Глуценко. — Иркутск, 2004. — 32 с.

4. *Демчик Е. В.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг. : от возрождения к ликвидации / Е. В. Демчик. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1998. — 237 с.

5. *История* Сибири с древнейших времён до наших дней. Том 4. Сибирь в период строительства социализма / сост. А. П. Окладников. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. — 490 с.

6. *Коновалов В. В.* Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура : вопросы теории и практики военного коммунизма / В. В. Коновалов. — Новосибирск : Наука, 1995. — 217 с.

7. *Коновалов В. В.* Мелкие промышленники Сибири накануне и в годы революции и гражданской войны : автореферат диссертации ... доктора исторических наук / В. В. Коновалов. — Екатеринбург, 1997. — 46 с.

8. *Кучемко Н. М.* Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы НЭПа (1921—1923) / Н. М. Кучемко. — Новосибирск : Наука, 1981. — 167 с.

9. *Лейкина С. А.* Промыслы и кустарное производство Иркутской губернии в конце XIX — первой трети XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук / С. А. Лейкина. — Иркутск, 2004. — 229 с.

10. *Московский А. С.* Рост трудовой активности рабочего класса Сибири в борьбе за победу социализма / А. С. Московский. — Новосибирск : Наука, 1968. — 170 с.

11. *Николаев А. А.* Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 — середина 1930-х гг.) : диссертация ... доктора исторических наук / А. А. Николаев. — Новосибирск, 2000. — 362 с.

12. *Николаев А. А.* Промысловая кооперация в Сибири. 1920—1937 гг. / А. А. Николаев. — Новосибирск : Наука, 1988. — 269 с.

13. *Никулин В. В.* Советское гражданское законодательство и судопроизводство периода нэпа : соотношение права, экономики и политики / В. В. Никулин // *NB : Вопросы права и политики.* — 2013. — № 8. — С. 26—64.

14. *Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.)*. — Москва : Наука. Сибирское отделение, 1982. — 408 с.

15. *Харчевникова Н. К.* Кустарно-ремесленное производство в деревне Сибири и его социалистическое преобразование (1920—1929 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук / Н. К. Харчевникова. — Томск, 1980. — 227 с.

16. *Юматова Е. А.* Государственная политика в промышленности в период НЭПа : на материалах Владимирской губернии : диссертация ... кандидата исторических наук / Е. А. Юматова. — Владимир, 2010. — 220 с.

Denationalization and Rent in Small Industry of Siberia during Transition from War Communism to New Economic Policy (1921—1923)

© **Borodulina Elena Viktorovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-0324-927X, PhD in History, associate professor, Department of Russian History, Tyumen State University (Tyumen, Russia), borodulina.e@list.ru.

Study of the processes of denationalization and rent in small industry of Siberia during transition from war communism to new economic policy allows to more fully reveal

the essence of the NEP and Bolsheviks' purpose in relation to smallholders, to show the implementation of these NEP areas in Siberia, to highlight its features. The main sources of study were the published papers of the regional Soviet and party institutions, as well as materials from the holdings of Russian state archive of economy and the State archive of the Novosibirsk region, part of which were introduced in the scientific usage for the first time. The article gives a brief description of the state of artisan production in the region in 1921. The conclusion is made about presence of conditions for the restoration of small industry. The process of denationalization, its dates and objects are analyzed. The return of the cooperative industry is discussed. The peculiarities of the lease campaign, its scope, prospects and role in the Siberian economy are revealed. Priority methods of the policy of denationalization and rent are described. Attention to regional approaches in their implementation from 1921 to 1923 is paid. The author comes to the conclusion that, despite some positive aspects in the implementation of the data in the NEP areas, they were limited and in the beginning of the new economic policy often continued to coexist with the military and Communist methods of management in the Siberian small-scale industry.

Key words: Siberia; small industry; craftsmen and artisans; denationalization; rent; new economic policy.

Material resources

- Byulleten V Sibirskoy konferentsii RKP (b)*. 1922. Novonikolaevsk. 5: 1—4. (In Russ.).
- GANO — *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti*. (In Russ.).
- Kratkiy otchet o deyatelnosti Sibprombyuro VSNKh s 1 yanvarya po 1 dekabrya 1921 goda*. 1921. Novonikolaevsk. 6—47. (In Russ.).
- Otchet II syezda Sibirskogo ekonomicheskogo soveshchaniya*. 1922. Novonikolaevsk. 4—6. (In Russ.).
- Otchet o deyatelnosti Sibirskogo revolyutsionnogo komiteta (Sibirskogo oblastnogo ekonomicheskogo Soveta) Sovetu Truda i Oborony s 1 iyulya po 1 oktyabrya 1921 goda*. 1921. Novonikolaevsk. (In Russ.).
- Otchet Pyatogo Sibirskogo ekonomicheskogo soveshchaniya s predstavitelyami guberniy i uezdov. 4—7 yanvarya 1924 goda*. 1924. Novonikolaevsk: Sibrevkom. 21—30. (In Russ.).
- Otchet Sibprombyuro VSNKh za pervuyu polovinu 1922—1923 (oktyabr—aprel) proizvodstvennogo goda*. 1923. Novonikolaevsk. 20—24. (In Russ.).
- RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki*. (In Russ.).
- Russkaya promyshlennost v 1923 g*. 1924. Moskva. 2: 42—48. (In Russ.).
- Sibirskaya promyshlennost v 1921—22 proizvodstvennom godu (Materialy godovogo otcheta Sibprombyuro VSNKh)*. 1923. Novonikolaevsk. 13—18. (In Russ.).
- Sibirskiy revolyutsionnyy komitet (Sibrevkom). Avgust 1919 — dekabr 1925: Sb. dokumentov i materialov*. 1959. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 266—274. (In Russ.).
- Sibprombyuro VSNKh. Sibtorg. Prombank. Itogi i perspektivy*. 1925. Novonikolaevsk. 10—18. (In Russ.).
- SU RSFSR — *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Rabocheho i Krestyanskogo pravitelstva. Sistemicheskiy sbornik vazhneyshikh dekretov 1917—1920 godov*. 1920. Moskva. 78 (366). (In Russ.).

- Torgovo-promyshlennaya gazeta*. 1921. 3 dekabrya. (In Russ.).
- Trudy Tsentralnogo statisticheskogo upravleniya. Sbornik statisticheskikh svedeniy po Soyuzu SSR 1918—1923*. 1924. Moskva. 18: 131—132, 153—165. (In Russ.).
- Zhizn Sibiri*. 1923, 11 (12): 163; 1924, 2: 4; 3 (4): 47. (In Russ.).
- Zhurnal I Sibirskogo soveshchaniya po kustarnoy promyshlennosti 20—23 iyulya 1921 goda i dekrety, postanovleniya sovetsskoy vlasti po kustpromyshlennosti*. 1921. Novonikolaevsk: Tipografiya gubsovnarkhoza. 4—18. (In Russ.).

References

- Bekhtereva, L. N. 2009. *Udmurtiya v gody novoy ekonomicheskoy politiki: torgovo-promyshlennoye razvitiye i sotsiokulturnyy oblik rabochikh: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Izhevsk. (In Russ.).
- Borodulina, E. V. 2014. Politicheskaya liniya bolshevikov v melkoy promyshlennosti v usloviyakh perekhoda ot voyennogo kommunizma k NEPu. *Vestnik Izhimskogo pedagogicheskogo instituta im. P. P. Ershova*, 2 (14): 41—51. (In Russ.).
- Glushchenko, T. A. 2004. *Gosudarstvennaya politika v oblasti malogo predprinimatelstva v 1861—1920 gg.: na materialakh Vostochnoy Sibiri: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. Irkutsk. (In Russ.).
- Demchik, E. V. 1998. *Chastnyy kapital v gorodakh Sibiri v 1920-e gg.: ot vozrozhdeniya k likvidatsii*. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
- Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Sibir v period stroitelstva sotsializma*. 1968. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 4. (In Russ.).
- Kharchevnikova, N. K. 1980. *Kustarno-remeslennoye proizvodstvo v derevne Sibiri i yego sotsialisticheskoye preobrazovaniye (1920—1929 gg.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Tomsk. (In Russ.).
- Kononov, V. V. 1995. *Melkiye promyshlenniki Sibiri i bolshevistskaya diktatura: voprosy teorii i praktiki voyennogo kommunizma*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Kononov, V. V. 1997. *Melkiye promyshlenniki Sibiri nakanune i v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Kuchemko, N. M. 1981. *Ukrepleniye sotsialisticheskoy zakonnosti v Sibiri v pervye gody NEPa (1921—1923)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Leykina, S. A. 2004. *Promysly i kustarnoye proizvodstvo Irkutskoy gubernii v kontse XIX — pervoy trety XX v.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Irkutsk. (In Russ.).
- Moskovskiy, A. S. 1968. *Rost trudovoy aktivnosti rabocheho klassa Sibiri v borbe za pobedu sotsializma*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Nikolayev, A. A. 2000. *Melkaya promyshlennost' i kustarnyye promysly Sibiri v sovetskoy kooperativnoy sisteme (1920 — seredina 1930-kh gg.): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Novosibirsk. (In Russ.).

- Nikolayev, A. A. 1988. *Promyslovaya kooperatsiya v Sibiri. 1920—1937 gg.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Nikulin, V. V. 2013. Sovetskoye grazhdanskoye zakonodatelstvo i sudoproizvodstvo perioda nepa: sootnosheniye prava, ekonomiki i politiki. *NB: Voprosy prava i politiki*, 8: 26—64. (In Russ.).
- Rabochiy klass Sibiri v period stroitelstva sotsializma (1917—1937 gg.)*. 1982. Moskva: Nauka. Sibirskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Yumatova, E. A. 2010. *Gosudarstvennaya politika v promyshlennosti v period NEPa: na materialakh Vladimirskey gubernii*: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Vladimir. (In Russ.).